

Пленники

Священник — о том, как церковь сдалась государству и что получила взамен

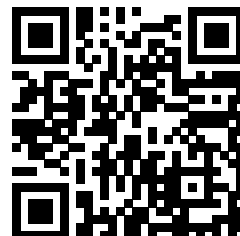
Фото: Сергей Мальгавко / ТАСС

14:43, 25 октября 2024,

Андрей Мизюк

священник

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Священник Андрей Мизюк. Фото: pravmir.ru

Помнится, в некогда популярном, почти культовом у православных фильме «Остров» одной из главных сюжетных линий, которая напрямую связана с историей духовного перерождения главного героя, стало предательское убийство. В самом начале картины показан стреляющий по приказу оккупантов в своего командира обычный матрос, будущий монах и старец в маленькой обители на севере. Цена убийства — жизнь. Жизнь того, кто выстрелил.

Этот изощренный метод распространен во времена кровопролитий. Он надежен тем, что выбравший собственную жизнь ломает себя и тем самым не оставляет уже для себя совсем никакого выбора. Его могут застрелить сразу после выполнения приказа, могут оставить жить, могут даже забрать воевать уже на другой стороне. Выбор сделают приказавшие. А

выстрелившему ничего не остается, как только ждать решения о себе.

И вот в фильме именно с этого начинается мучительное восхождение человека из глубины предательства и мерзости к Небу и свету и даже завершается хорошо, по-христиански хорошо. Все это, конечно, выглядит душепоучительно, но в реальной жизни бывает прозаичнее и совсем не «житийно».

Наша церковь выбрала исполнение приказа. Приказа того, кто взял ее в плен, сделал заложницей.

Хотя это была добровольная сдача в плен. Это было долго и медленно, как отравление тяжелым ядом, который вводили малыми дозами. Ровно с тем расчетом, чтобы парализовать волю.

Начиная с 2014 года, с Крыма и начала боевых действий на Востоке Украины, она, подменяя понятия и смыслы, выражает обеспокоенность, но, увы, не называет вещи своими именами. Не взывает к совести.

Была присоединена Крымская епархия, как сейчас легко присоединены Луганская, Донецкая, части Запорожской и Херсонской. Никто и не подумал говорить о том, как все начиналось. А в храмы в России уже в те годы потихоньку подтягивались так называемые православные добровольцы за благословением идти защищать «русский мир» в другой стране. Я помню, однажды такая встреча закончилась истерикой. В храм прп. Серафима Саровского в Саратове ко мне пришла дама за благословением отправить целую сотню таких вот добровольцев воевать в Луганской и Донецкой областях.

Получив отказ, оскорбилась и принялась обвинять и обзывать. А потом ушла. Возможно, в другой храм. Где, возможно, получила нужное ей благословение. Уже тогда многие батюшки активно верили в благодатные свойства этого «русского мира» и не считали поддержку происходящего даже грехом.

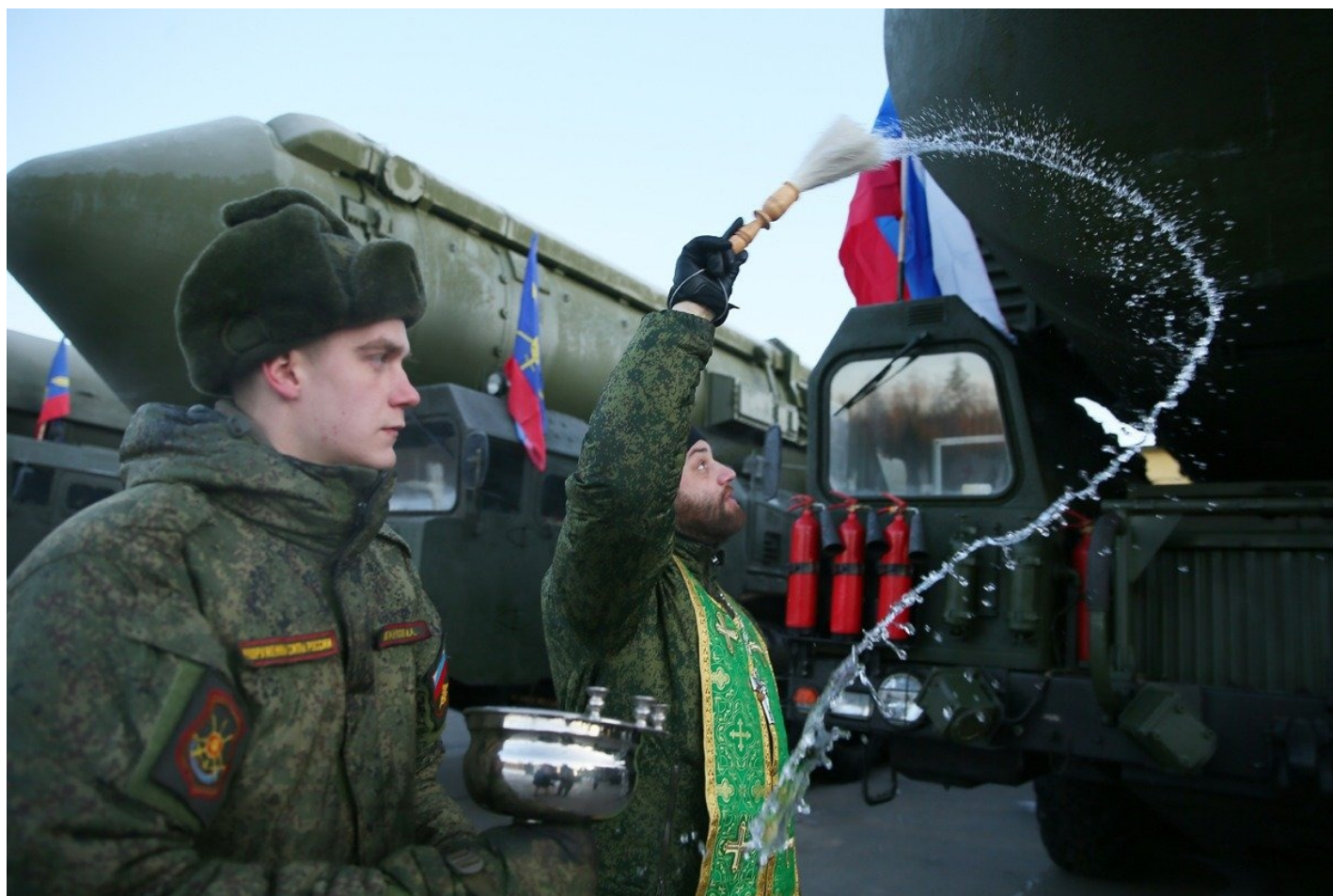

Фото: Владимир Смирнов / ТАСС

Увы, церковь выбрала стрелять. Оказавшись в плену мнимой симфонии, финансовых и даже законодательных преференций, она посчитала возможным участвовать во всем, что считает для себя важным государство. И с каждым годом все более становилась эхом и тенью его. Взамен ей фактически была дарована монополия на традиции, духовность и историческую роль в становлении государственности и культуры, возможность оказаться в школьной программе в качестве, правда, компонента факультатива, всевозможные участия в круглых столах, форумах, заседаниях, встречи с губернаторами, мэрами и иными чиновниками. И все это под необходимую к

месту и времени поддержку государственных инициатив.

Надо сказать, чиновники, хотя и делали вид заинтересованных в симфоническом взаимодействии, даже стояли в храмах на Пасху и Рождество в особых VIP-местах на солее или отделенных ограждениями от прочих верующих коврах перед амвоном, тем не менее делали это все, скорее, по разнарядке — не вникая. Порой даже преодолевая себя. Мало ли куда государев слуга может быть направлен, надо ехать. Программы по строительству новых храмов в жилых микрорайонах (часто под неодобрение живущих в этих кварталах), закон об оскорблении чувств верующих, многое другое, из чего обязательно потом должен был вырасти счет за теплые объятия.

Да, церковь выбрала стрелять.

Выстрелила молчанием в первые дни <***>, выстрелила показательной передачей икон силовикам, принуждением читать молитву о победе, несогласие с которой стоило многим священникам и места служения, и самого служения.

Не сказанные простые слова о мире, о необходимости прекратить кровопролитие, начать диалог стали для многих поводом пересмотреть свои отношения с церковной организацией, уйти из храма. Разве это не повод вспомнить о том, что бывает с теми, кто соблазнит одного из малых сих?

Но дальше — больше. За молитвами пошли и пламенные проповеди, а за ними действия. Плетение сеток, изготовление окопных свечей, сбор так называемой гуманитарной помощи.

<***> стала называться священной, а приходы и епархии — собирать уже не только теплые вещи и лекарства, но и деньги на технику и оружие. А значит, участвовать и в несении самой смерти.

Не укради и не убий. О чем-то эти слова говорят тем, кто сегодня собирает на дроны и беспилотники, служа одновременно молебны о победе «христолюбивого воинства»? В чем проявляется любовь такого воинства ко Христу? Ответы, которые звучат, — отражение чьих-то иллюзий и амбиций, которые никогда не имели отношения к реальности. Как не имеет отношения к реальности и здравому смыслу высказывание, что границы России не кончаются нигде. Ведь это тоже чья-то иллюзия?

Когда мы говорим о Церкви, мы говорим и о церкви, то есть и о сообществе людей. Не только о богочеловеческом организме, не только о тайне и истине Завета, но и о нас и о нашей совести. В нее можно стрелять бесконечно, как в нашу вечную пленницу. Убить ее невозможно. Последнее слово будет все равно за этой порой неприятной спутницей.

Сегодня мы живем, убежденные в своей правоте, уверенно называя черное белым, злое добрым, искаженное правильным. Но только сегодня. Оно, это сегодня, совершенно ошибочно кажется нам бесконечным. И напрасно мы думаем, что сможем избежать ответственности за сказанное и сделанное или сделать вид, что не было выбора. Другое дело, будет ли у нас время и возможность для покаяния, для пути, который можно и нужно пройти с сокрушенным сердцем.

Никто даст гарантии, что после этого «выстрела» нам не придется делать еще что-то более отвратительное. И голос совести до времени перестанет с нами говорить. Но когда придет его время, сможем ли мы собраться с духом, чтобы услышать?

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Комбинат ритуальных услуг](#)

Священник Андрей Мизюк — о том, как церковь перестала сопротивляться злу

12:56, 21 августа 2024, Андрей Мизюк